
МНОГОЗНАЧНОСТЬ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на примере лексики арабского происхождения)

О.И. Александрова

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Лексическая система является наиболее проницаемой для заимствований, поскольку таким образом пополняется словарь языка. Попадая в новую языковую среду, заимствованное слово начинает осваиваться всеми возможными средствами — от фонетики до синтаксиса — и неизбежно обрастает новыми значениями. Таким образом, оно становится полноценным элементом языка.

Ключевые слова: заимствование, исконная лексика, многозначность, моносемия, семантизация, вторичная семантическая функция.

Подобно исконным словам, заимствования могут развивать многозначность — способность слова иметь одновременно несколько значений [8. С. 41]. Так, более трети лексических единиц арабского происхождения, функционирующих в современном русском языке, являются многозначными. Заимствованные слова довольно часто приобретают несколько лексико-семантических вариантов, т.к. в момент заимствования язык-реципиент стремится уточнить его размытое значение и внести в него новые смысловые оттенки [3. С. 136—137]. Источники многозначности заимствованных слов различны: одни единицы сохраняют несколько значений, принадлежащих слову-этимону, другие «накапливают» значения, развившиеся в языках-посредниках, третьи становятся многозначными в русском языке.

Традиционно считается, что новое заимствованное слово в момент появления в языке-реципиенте — моносемная единица, даже при полисемичном слове-этимоне. Исключения составляют некоторые экзотизмы, многозначность которых «переносится» из языка-источника [4], что подтверждается рассматриваемым материалом: *марабут* — «(1) в средние века в Северной Африке мусульманский воин-монах», «(2) то же, что и дервиш»; *рамадан* — «(1) девятый месяц мусульманского лунного календаря»; «(2) сорокадневный строгий пост у мусульман»; *шейх* — «(1) у арабов: глава рода, племени», «(2) представитель высшего мусульманского духовенства, богослов и правовед» [2]. Объяснить подобный факт можно безэквивалентностью экзотической лексики. Если один экзотизм обозначает две реалии, свойственные культуре народа, говорящего на языке, послужившем источником такого экзотизма, то язык-реципиент использует данный экзотизм в обоих значениях.

Как уже отмечалось, слово, заимствуемое опосредованно, может «накапливать» значения. Становясь элементами лексико-семантических систем языков-посредников, арабские по происхождению слова приобретали в них новые значения. Если новые номинации служили для обозначения реалий культуры народа, говорящего на языке-посреднике, то заимствованное русским языком слово становилось «вдвойне» экзотичным. Например, заимствования, отражающие специфику

неарабских стран: *набоб* — «1) в Англии и Франции человек, быстро разбогатевший в колониях»; на основе последнего значения развилось переносное значение «2) быстро разбогатевший человек, жизнь которого отличается восточной пышностью» [5. С. 462]. *Сафра* — 1) «на Кубе: сезон уборки и переработки сахарного тростника»; 2) «в Уругвае: сезон торговли скотом, стрижки овец» [5. С. 694].

Сафари — «1) заповедник в Африке, в котором разрешена охота на диких зверей», «2) охота в таком заповеднике», «3) одежда прямого покроя из легкой гладкой ткани с карманами и отстрочкой» [5. С. 694] (последнее значение развилось в английском языке на основе метонимического переноса). *Факир* — «мусульманский аскет, давший обет нищенства»; «бродячий фокусник» (данное переносное значение развилось во французском языке — *fakir*, www.cnrtl.fr/definition/fakir); «в цирке: фокусник, демонстрирующий нечувствительность к боли» [5. С. 811].

Слова, относящиеся к общеупотребительной лексике, как правило, заимствуются в одном из значений и развивают новые в языке-реципиенте, т.е. в русском языке. В составе лексики арабского происхождения практически все общеупотребительные слова являются многозначными, например: *магазин* — 1) «помещение для торговли чем-либо»; 2) «склад для хранения чего-либо» (заимствованное) [2]. *Люфа* — 1) «южное растение из семейства тыквенных» (заимствованное); 2) «губка из высушенной волокнистой массы плодов этого растения»; *фитиль* — 1) «лента, жгут или шнур, служащие для горения в некоторых осветительных и нагревательных приборах (лампах, свечах, керосинках)»; 2) «жгут из мягкого материала, пропитывающийся каким-нибудь жидким составом (смазывающим, лекарственным и т.п.)»; 3) «горючий шнур для воспламенения зарядов, для передачи огня на расстояние при производстве взрывов» (заимствованное) [2] и др.

Однако и среди таких слов есть исключения, например, заимствованное через французский слово *маска* (арабский этимон которого *مسخرة* — [mashara(t)] — «шут, насмешник» [5. С. 465]) имеет те же значения, что и во французском языке 1) «специальная накладка на лицо с вырезами для глаз, а также человек с такой накладкой»; 2) «притворный вид, видимость»; 3) «гипсовый слепок с лица умершего»; 4) «предохранительная крышка на лицо»; 5) «в косметике: слой наложенного на лицо крема, лекарственного состава и т.п.» (все эти значения отражены в дефиниции слова, зафиксированной в национальном корпусе французского языка Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales: <http://www.cnrtl.fr>).

В многозначных словах, помимо прямых номинативных значений, непосредственно направленных на предметы и явления действительности, существуют другие значения, которые выполняют вторичную семантическую функцию. Благодаря тождеству языковой оболочки и определенной смысловой ассоциации они объединяются с главным значением в единую смысловую структуру. Однако в отличие от последнего они слабо закреплены парадигматически и поэтому нуждаются в большей синтагматической обусловленности. Для их распознавания в тексте необходимы дополнительные «опознавательные» признаки: характерная ограниченная сочетаемость, отличительная синтаксическая позиция, определенная грамматическая конструкция [1; 7; 10].

Рассмотрим несколько примеров развития **переносных значений** у заимствованных слов вследствие различных семантических процессов. На основе метафо-

ры по сходству производимого впечатления новые переносные значения развиваются у слов: *шуба* — «верхняя зимняя мужская или женская одежда из меха или на меху» и переносное «снежный или ледяной покров, образовавшийся на чем-либо» [2]; *алмаз* — «драгоценный камень, минерал кристаллического строения, блеском и твердостью превосходящий все другие минералы» и переносное «что-л., блеском и игрой света напоминающее такой кристалл» [2]; *мишура* — «позолоченные медные или посеребренные металлические нити, идущие на изготовление парчовых тканей, галунов и т.п.» и переносное «внешне показной блеск, лишенный действительной ценности, показная роскошь» [2].

Астрономический термин *зенит* употребляется в переносном значении «высшая степень, предел чего-нибудь» (в *зените славы*, в том же значении и связанном употреблении данное слово используется в английском языке *at the zenith of fame* [9. С. 264], что позволяет характеризовать данное значение как семантическую кальку), которое можно отнести к конструктивно обусловленным, т.е. требующим для своего раскрытия определенных грамматических конструкций, благодаря которым такие значения отличаются от других, а также друг от друга в пределах многозначного слова [1].

В массиве слов арабского происхождения обнаружены примеры метафорического переноса номинаций мифологических героев на свойства, характеристики человека: *гурия* — «красивая, обольстительная женщина» [2]; *джинн* — «исполнитель желаний» (переносное значение возникло на основе арабской сказки «Волшебная лампа Алладина», ср. в интервью актера В. Машкова: «Актер — это *джинн*. Волшебник» (Кто есть кто в современной культуре. Эксклюзивные биографии. — Вып. 1—2. — М.: МК-периодика, 2006—2007: www.slovari.yandex.ru). Такие значения также являются синтаксически ограниченными, т.к. обусловлены вполне определенной синтаксической позицией языковой единицы, обычно именной части составного сказуемого, В.В. Виноградов называет их предикативно-характеризующими [1. С. 183]. Они характерны для разговорной речи и могут иметь различную эмоциональную окраску, например: *Да она настоящая гурия! Что я тебе, джинн?!* — иронично. Данные примеры иллюстрируют появление у значения заимствованного слова дополнительной коннотации.

Помимо метафорических значений, у слов арабского происхождения часто развиваются дополнительные переносные значения на основе метонимии. Так, в разговорной речи названия тканей употребляются для наименования одежды, сшитой из этих тканей: *ходить в бархате, одетый в бархат и атлас* [6]. На основе метонимии у слова *юбка* развивается экспрессивно-синонимическое значение [1. С. 173] с пренебрежительной коннотацией — «женщина как предмет ухода, увлечения мужчин»: *он от всякой юбки с ума сходит; побежит за первой встречной юбкой* [6].

Многие переносные значения, например, «расширяющийся кверху столб чего-либо» у слова *султан* (*султан огня*), являются фразеологически связанными. Они реализуются в сочетании со строго ограниченным кругом слов. Употребление слов с такими значениями обусловлено не предметно-логическими отношениями, а закономерностями функционирования самой лексико-семантической системы, например, значение слова *халатный* — «небрежный и недобросовестный в выполне-

нии своих обязанностей» [6] — реализуется только в сочетаниях с несколькими существительными: *халатное отношение, халатная работа, халатный работник.*

Заимствования, употребленные в метафорическом значении или окказиональных формах, могут выполнять поэтическую функцию в художественных произведениях:

Ланитный алый **бархат** смугл, / И губы алчущие пряны (И. Северянин. «Балькис и Валтасар»); Будь одиноким, как **зенит**, / Пускай тебя ничто не кличет (Н. Клюев. «Поэту Сергею Есенину»); Безмолвный призрак в терему, / Я — черный раб проклятой крови. / Я соблюдаю полутьму / В ее нетронутым **алькове** (А. Блок. «Religio»); И за огненными небесами / Обо мне задумалась она, / Девушка с **газельными** глазами / Моего любимейшего сна (Н. Гумилев) др.

Таким образом, полисемия свойственна и заимствованной лексике, в том числе экзотизмам, но причины многозначности, в отличие от исконной лексики, обусловлены возможностью влияния семантической структуры слов-этимонов и вариантов заимствованных слов, функционирующих в языках-посредниках.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977.
- [2] *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — СПб., 2000.
- [3] *Колесов В.В.* Язык города. — М.: Высшая школа, 1991.
- [4] *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 2000.
- [5] *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русский язык, 2000.
- [6] *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. — СПб.: Норинт, 1998.
- [7] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
- [8] *Новиков Л.А.* Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. — СПб.: Лань, 2003.
- [9] *Шахбаз В.А.С.* Слова арабского происхождения на территории романо-германского лингвистического ареала. Пути вхождения: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2005.
- [10] *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. — М.: Просвещение, 1977.

POLYSEMY OF LOANWORDS (as an example of the originally arabic lexical units)

O.I. Alexandrova

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklay Str., 6, Moscow, Russia, 117198

Language lexical system is the most vulnerable for loanwords as this is the regular means to enlarge vocabulary. Getting into a new language environment, a loanword used to be adopted by all possible means — from phonetics to syntax — and inevitably obtains a number of new meanings. Thus it makes a full-featured language unit.

Key words: loanwords, borrowings, original native lexis, polysemy, monosemy, semantization, secondary semantic function.